

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Чжу Цзыцин (1898–1948) — поэт, эссеист, критик, один из авторов Движения 4 мая, возникшего в Китае в 1919 году под влиянием российской Октябрьской революции. «Отцовская спина», написанная в 1925 году, несмотря на небольшой объем, считается одним из самых пронзительных произведений о сыновней любви в китайской литературе.

Ван Цзэнци (1920–1997) — один из классиков китайской литературы XX века, его по праву называют «последним ученым мужем Поднебесной». Короткий и трагичный рассказ «Чэнь Ладошка» впервые был опубликован в 1983 году.

Цяо Е (1972) — популярная современная писательница, член Союза писателей КНР, автор романов, повестей, сборников рассказов и эссе. Рассказ «Дивная ночь» впервые был опубликован в 2008 году.

Каждый из выбранных нами авторов представляет свою эпоху: у Чжу Цзыцина звучит язык начала XX века, Ван Цзэнци — более поздний автор, расцвет его творчества пришелся на вторую половину прошлого столетия. Цяо Е — наша современница, ее герои живут в XXI веке. При этом в произведениях, вошедших в подборку, отражены две крайние точки новейшей истории Китая: в «Отцовской спине» и «Чэнь Ладошке» мы видим страну в первые годы после Синьхайской революции и крушения империи, Китай в эру милитаристов, раздираемый гражданскими войнами. В рассказе «Дивная ночь» показан новый, развитый Китай, экономическое чудо последних лет и его изнанка. Кроме того, все представленные произведения объединены темой, близкой русскому читателю, — это судьба маленького человека в эпоху перемен.

В а н Ц з э н ц и

ЧЭНЬ ЛАДОШКА

В то время у нас в городке акушеров почти не было. Как приходила женщине пора рожать, звали повитуху. И почти всегда заранее было известно, какую повитуху позовут в какой дом. Всех барчуков и барышень, что рождались у первой, второй или третьей молодой госпожи, обычно принимала одна и та же повитуха. Стороннему человеку в таком деле довериться никак нельзя, повитуха должна быть своей в доме. Тогда она наверняка знает, что за порядки в этой семье, помнит, кого из пожилых служанок звать подсобить, поддержать роженицу за поясицу. Вдобавок люди обычно верят, что у их повитухи «рука счастливая», и роды с ней пройдут благополучно. А повитухи молятся Матушке-чадоподательнице, каждый день возжигают перед ней благовония. Кто же пригласит врача-мужчину принимать роды? Медицине у нас учились одни парни, только дочка Ли Хуаляна пошла по стопам отца, стала единственной женщиной-врачом на весь город. Роды она принимать не умела, лечила только внутренние болезни, жила старой девой. А из студентов-медиков разве кто стал бы учиться на акушера? Все брезговали, считали, что это никчемное, низкое занятие. Но все же один такой нашелся. Чэнь Ладощка, он был у нас знаменитым врачом-акушером.

Ладощкой его прозвали за крохотные ручки — даже меньше, чем у женщин, и гибче, нежнее женских ладоней. Он был мастер принимать трудные роды. Справлялся и когда ребенок в утробе лежал поперек, и ногами вперед — конечно же, не без лекарств и инструментов. Говорили, что рожать с Чэнем Ладощкой легче, потому что ручки у него маленькие и ходят мягко. В богатые дома его звали редко, только если не было другого выхода. А в семьях среднего достатка и в бедных домах брезговали меньше; когда роженица мучилась с неправильным предлежанием, то повитуха, не зная, что делать, предлагала: «Отправьте за Чэнем Ладощкой».

У Ладощки, конечно же, было и полное имя, но никто его по имени не звал.

В родовспоможении мешкать нельзя, ведь речь идет о двух жизнях. Чэнь Ладощка держал коня. Это был скакун, весь снежно-белый, ни единого пятнышка. Знатоки говорили, что побегка у него резвая, мелкая, ровная — по-фазаньи идет. Жили мы среди воды, и мало кто держал лошадей. Всякий раз, как через городок проходила конница, народ наперегонки бежал к каналу поглазеть на «кавалеристов», нам это казалось зрелищем хоть куда. Часто можно было увидеть, как Ладощка верхом на белом скакуне спешит в чей-то дом принять роды, поэтому к его прозвищу приклеили еще и коня, получилось «Чэнь Ладощка на белом коне».

Братья по цеху, терапевты и хирурги, свысока смотрели на Ладощку, не признавали, что он врач, держали его за простую повитуху в мужском облике. Чэнь Ладощка это близко к сердцу не принимал и, если кто просил его принять роды, он тотчас седлал коня и во весь опор мчался на зов. Стонущая, перепуганная роженица сразу немного успокаивалась, услышав звон бубенцов на шее коня Чэня Ладощки. Соскочив с коня, он тут же входил в родильную комнату. Спустя какое-то время (иногда и очень долгое) оттуда доносилось «Уааа» — ребенок родился. Чэнь Ладощка весь в поту выходил из комнаты, кланялся хозяину дома: «Поздравляю! Поздравляю! С матерью и ребенком все благополучно!» Хозяин расплывался в улыбке, протягивал доктору красный конверт с вознаграждением. Чэнь Ладощка брал конверт и не глядя опускал его в карман, затем мыл руки, выпивал чашку горячего чая, бормотал: «Виноват», — и садился на коня. Слышно было только, как звенят бубенцы: «Динь-дон, динь-дон», — все дальше и дальше.

Много жизней спас Чэнь Ладощка.

Однажды в город пришла Союзная армия. Те несколько лет по нашим местам гоняли друг друга две армии: Национально-революционная — мы ее называли «армия Гоминьдана» — сражалась с войсками Сунь Чуаньфана. Сунь Чуаньфан величал себя Главнокомандующим армии пяти провинций, а его войска назывались Союзной армией. Союзная армия расквартировалась в Храме Небесного Владыки, там встал целый полк. Жене командира полка (кто ее знает, настоящая то была жена или наложница) пришло

время рожать, и никак она не могла разродиться. Позвали повитух, да все без толку. Барыня та вопила, как резаная свинья. Командир полка отправил за Чэнем Ладощкой.

Ладощка явился в Храм Небесного Владыки. Командир маляся, кружил около родильной комнаты. Увидел Чэня Ладощку, процедил:

— Чтоб сберег мне и женщину, и дитя. Не сумеешь — голову несусу! Ступай!

Та женщина вся заплыла жиром, с Ладощки семь потов сошло, когда он все-таки вытащил из нее ребенка. Долго тягался он с этой толстухой, никаких сил не осталось. Пошатываясь, вышел из родильной, поклонился командиру полка:

— Командир! Поздравляю вас — мальчик, маленький барин!

Командир полка осклабился:

— Побеспокоил я тебя. Прошу!

Снаружи был накрыт богатый стол. Адъютанты тоже сели пировать. Чэнь Ладощка выпил две чарки. Командир отсчитал двадцать серебряных даянов¹, преподнес их Ладощке:

— Это тебе! Уж не взыщи.

— Тут много, слишком много!

Ладощка допил вино, спрятал деньги и стал прощаться:

— Виноват, виноват!

— Ну, не провожаю.

Чэнь Ладощка вышел из Храма Небесного Владыки, запрыгнул в седло. Командир достал пистолет, выстрелил в спину, и Ладощка замертво упал с коня.

— Кто позволил ему лапатаь мою женщину! Ни один мужчина не смеет ее касаться, только я! Подлец, негодяй! Бабку я его имел! Командир был страшно обижен.

*Перевод с китайского
Алины ПЕРЛОВОЙ*

---

¹ Даян — серебряный доллар, имел хождение в Китае в 1911–1930 годах (здесь и далее — прим. переводчика).

ДИВНАЯ НОЧЬ

1

Одетый человек здесь всегда выглядит диковато, пусть даже на нем почти ничего нет. Она одета в форменные трусы и лифчик; баня — пожалуй, единственное на свете заведение, где сотрудникам выдают лифчики и трусы. Такая здесь униформа.

Лифчик маково-алый, а трусы черные, с прозрачной сеткой по бокам. Сочетание красного с черным должно казаться изящным и чувственным, но в белой гуще женских тел никто на это не смотрит. Чувственность и изящество здесь не к месту, и выглядит такая комбинация немного жалко.

Она стоит у кушетки номер два, медленно растирая лежащее перед ней тело. Медленно — это только кажется, а если присмотреться, видно, что работает она ловко и прилежно. Под ее руками пожилое тело, таких клиентов они называют «курага». Растирать «курагу» труднее всего. Бывает «курага» «сочная», а бывает «сухая». На ее кушетке «сочная курага». «Сочную курагу» растирать легче, чем «сухую», в ней есть хоть немного мяса, оно заполняет морщины, натягивает складки. А вот у «сухой кураги» одна кожа, будто слоеный пирог. Растирать такую помягче проку нет, грязь останется, а возьмешься посильнее — они не выдерживают, начинают кряхтеть да охать. И не угодишь.

Как подул северо-западный ветер, клиентов прибавилось. В народе говорят: «За осенними дождями мороз поспекает», — а для бани такой закон: «За осенними дождями денежки поспевают». Сегодня воскресенье, самый наплыв посетителей. На то есть причины: представьте, что выходные — это праздничный стол с гуляньем, в пятницу люди выбирают еду, в субботу — готовят и пируют, дым стоит коромыслом, а в воскресенье приходит пора убирать со стола, чистить горшки и кастрюли. Кто отсыпает

ется, кто отмывается. Ведь наше тело требует ухода не меньше кастрюль.

Последние два года дела у бани идут в гору. Раньше сюда больше ходили мужчины, тогда эта баня считалась элитным заведением, с посетителя брали тридцать восемь юаней за сутки: помылся — тут тебе и кино, и телевизор, и мацзян¹, и шахматы, и тренажерный зал, и интернет — все бесплатно. Еще можно было поспать в комнате отдыха, и даже завтрак на другой день включался в стоимость. И удовольствия тебе, и экономия. Потом открылось много других бань, конкуренция стала нешуточная, тогда и решили нацелиться на женские кошельки. Женщины неохотно расстаются с деньгами, и хозяйева бани взяли с них пример, тоже принялись считать деньги: цены сейчас растут, пойди в любую общественную мойку — за вход там возьмут четыре юаня, а за растирание заплатишь еще четыре, вот и получается восемь. А здесь и обстановка хорошая, и без толкотни; да, немного подороже, но платишь ведь не за что попало, все честно: с массажем выходит двадцать восемь юаней с человека, без массажа — восемнадцать. Что получает клиент за восемнадцать юаней? Полотенце, плавки, носки — качество так себе, но, во всяком случае, все новое. Еще в стоимость входит бесплатный шампунь, кондиционер для волос, гель для душа, крем «Дабао» и растирание на все тело — очень даже выгодно. Она не раз видела, как клиентки, намазав кремом лицо, потом еще мазали им руки и тело, а некоторые даже натирали пятки. Баночка «Дабао» стоит шесть с половиной юаней, а если на все тело мазать, сразу уйдет полбанки. Даже за один крем можно из восемнадцати юаней три вычесть. Так-то!

— Твой алименты за этот месяц заплатил? — спросила растиральщица с кушетки номер три.

— Угу.

— Когда?

Она неохотно пробормотала:

— Раз в полгода платит, давно уж. — На самом деле, алименты еще не приходили, но говорить об этом не хотелось. Понятно же, что напарница спрашивает только затем, чтобы самой поделить-ся наболевшим.

---

¹Мацзян — китайская азартная игра с использованием игральные костей.

— Мой-то висельник никак не раскошелится. Две дочери, платит за них пятьсот юаней в месяц, да еще задерживает. Скажи, ну как не стыдно? Пятьсот юаней. Что на них купишь? Может, нам втроем с девчонками банной водичкой пробавляться? — болтовня третьего номера плывет по воздуху, огибая кушетку:

— Тебе еще ничего, пятьсот юаней за сына, худо-бедно прожить можно, пусть мальчишки и едят побольше. Но все лучше, чем у меня, — на пятьсот юаней двух дочерей растить. Пятьсот на двоих, за одну, значит, двести пятьдесят дает. Ай, ну разве не красота? — третий номер не выдержала и засмеялась. Она тоже хмыкнула. И тела под их руками заулыбались.

— Не пожалуетесь на него? — спросила клиентка третьего номера. Молоденькая девушка, лежит лицом вверх, глаза закрыты, руки протянула за голову, будто на спине плывет.

— Легко сказать, а на деле... Нельзя с ним совсем порвать. — Третья вздохнула. — Мне-то ничего, а вот девочкам как жить. И ненавидят его, и защищают. Что у них там в головах — понятия не имею.

— Как-никак родные, нельзя по живому резать, — проронила «сочная курага» с ее кушетки.

Слушая разговор, она сгибает «сочной кураге» руку и кругами растирает кожу на локте. Да, с ее сыном та же история. И ненавидит отца, и защищает, слова не дает против сказать. Но если отец пришел навестить, тут же делает кислую мину и молчит как рыба. А она стоит и смотрит: отец и сын, кровь от крови — и тепло на сердце от такой картины, и досада берет.

Вот пропасть.

— Когда уже до нас дойдет? — К ней притоптала милая девушка со смешливой мордочкой. — Мы ждем-ждем, уже и цветы завяли!

Все расхохотались. Вечно найдется такая торопыга. Но как ни подгоняй — толку нет, здесь свои порядки. При входе вместе с ключом от шкафчика выдают номерок, и по нему посетители занимают место в очереди на растирание.

— Скоро объявят твой номер, — сказала она. — Слушай внимательно, как тебя позовут, сразу приходи.

— А долго еще ждать?

— Недолго.

У мужа фамилия Хуа¹, познакомились на фабрике, он работал торговым агентом — хоть и развелись уже, но она по привычке считала Хуа мужем. Когда у них все начиналось, мать была против, сначала прицепилась к работе: мол, разве торговые агенты бывают порядочными людьми? Потом ей фамилия не понравилась:

— Никого больше не могла найти, только с фамилией Хуа²? Что за расфуфыренная фамилия? А ребенок родится, как имя выбирать? Цветной Фонарик, Цветная Линза, Цветной Металл, Цветная Капуста, Цветная Бумага, Цветной Принтер? Цветной Лишай? Как ни назови — один ужас выходит!

Ну и ну, даже цветной лишай приплела. В сердце уже распустился цветок для Хуа, и она не желала соглашаться с матерью, перечила:

— А как же Хуа Юнь³? А Хуа Мулань⁴ с Хуа Мулян? И Хуа Гофэн⁵. — Она знала, что у Хуа Гофэна другой иероглиф в фамилии, но какая разница, мать-то неграмотная.

— Хуа Гофэна знаю, Хуа Юня с Хуа Мулань тоже знаю, а Хуа Мулян — это кто? — Мать и правда была сбита с толку.

— А Хуа Мулян — это сестра Хуа Мулань, — рассмеялась она.

Безрассудно пошла за тем, кого звали Хуа, по доброй воле дала сорвать свой цветок и не знала, что в конце концов этот мужчина оправдает свою фамилию: сегодня в цветах, а завтра в слезах — любовь его быстро увяла, и он принялся сажать свои семена на чужих грядках. Сорняком, пустоцветом задушил ее сад, разорвал ее сердце на мелкие лепесточки. Сначала она устраивала сцены и требовала развода — муж не соглашался. Но в последний раз сам заговорил о разводе. Сказал, и она обмерла. Ты-

¹В Китае женщины при замужестве оставляют свою фамилию.

²Эта китайская фамилия имеет значения «цветок, цветной, распущенный, фривольный».

³Хуа Юнь — знаменитый полководец династии Мин.

⁴Хуа Мулань — легендарная девушка-воин, которая переделалась мужчиной и ушла в армию вместо своего отца. Символ верной дочери.

⁵Хуа Гофэн — китайский политический деятель, преемник Мао Цзэдуна на посту председателя КПК. Иероглиф «хуа» в его фамилии отличается от иероглифа в фамилии мужа главной героини.

сычу раз грохотал гром, но вот и дождь хлынул. И только сейчас она поняла, что нет у нее ни зонта, ни плаща, и даже кровля ее дома протекает. Что поделаешь — скрепила сердце, проглотила обиду и подписала документы о разводе. Муж оставил ей сына, жилье и банковский вклад на тридцать тысяч юаней. Сказал, что уходит ни с чем, даже уволился с фабрики, вроде как решил открыть свое дело. Но в первый же месяц после развода она узнала, что Хуа купил квартиру и женился; новая жена моложе ее на десять лет. Потом от знакомых прослышала, что муж давно сошелся с той женщиной: когда играли свадьбу, их дочь уже ходила в детский сад.

Сына зовут Хуа Янь, Цветущая Скала, а какое имя дали той девочке? Хуа До, Соцветие? Хуа Бань, Лепесток? Хуа Лань, Корзина Цветов? Хуа Лэй, Бутон? Хуа Гу, Песенка? От нечего делать она принималась вертеть это в голове и так и сяк. Думала-думала, потом сама же над собой смеялась. Вот уж правду говорят — не суй нос в чужие дела. Сама нормально живешь — и радуйся, дались они тебе.

— Эй, слыхала — у Восьмой мужик тоже налево пошел, — окликнула ее третий номер.

— Знаю. — Ей еще вчера сказали. «Восьмой» называли растиральщицу с кушетки номер восемь, муж у нее таксист, сошелся с хозяйкой лавки товаров для гигиены.

— Продавщица туалетной бумаги, не пойму, чего мужик в ней нашел! Говорю: Восьмая, я на твоём месте взяла бы да сожгла ей эту лавку. Там бумага одна, гореть хорошо будет. Заодно и волосенки этой шалаве подпалишь. Таких жалеть нельзя. А она добренькая слишком. Куда собралась разводиться? Ухватись за него покрепче, не отпускай, держи, пусть хоть сдохнет — все равно держи.

— Как бы самой от такого не сдохнуть.

— Ерунда. Он себе любовь на стороне завел, и ты заведи! А не хочешь — все равно надо с этой бабенкой повидаться, поговорить как следует, отвести душу! Если вот так тихо-мирно пойдет разводиться, будет просто-напросто трусихой, даже мне обидно!

Она улыбнулась. И точно, она тоже казалась себе трусихой. Узнав, что муж так ее облапошил, не стала скандалить, требовать справедливости. Спросила себя: ну, поднимешь ты шум, и дальше что? Разве от этого смягчится его железное сердце? Да и не умела

она скандалить, боялась. Та женщина с дочерью перетянули ее мужа, как перетягивают канат. Сама она не могла удержать канат, оно и понятно, но ведь сын — это сын. Та женщина все же многого стоит, раз из-за нее муж ожесточил сердце и бросил семью.

Вот так и вышло, что она запросто отпустила мужа с соперницей и с тех пор еще ни разу ее не встречала. Хорошие новости заглядывают парами, и беда не приходит одна: вскоре после развода ее сократили на работе; получив пятьдесят тысяч юаней компенсации, она тут же положила деньги в банк на три года. Ставки по вкладам тогда как раз подросли, через три года процентов должно набежать несколько тысяч. Сын недавно перешел в старшую школу, еще три года, и придет пора поступать в институт¹, деньги как раз пригодятся. Вместо тревоги о будущем появилась забота о настоящем. Пятисот юаней алиментов не хватит, даже если перебиваться одними пампушками с консервированной редькой на гарнир. Хорошо еще, руки-ноги у нее были на месте, оставалось только работать, не жалея себя. Сыну нужно есть три раза в день, и потому жизнь ее разделилась на трое. С утра брала поденную работу, днем продавала овощи на рынке, а по вечерам приходила сюда.

Помогая другим расслабиться, сама она не знала отдыха. Одно время сын пристрастился к онлайн-играм, что ни день таскал у нее деньги и бегал в интернет-клуб, прогуливал школу. Как она ни просила его, как ни ругалась — все без толку. Уже не знала, что делать, и сына возненавидела, и себя — написала записку и, шалея от собственной смелости, вскрыла вены ножом для фруктов. И надо же такому случиться, что в это самое время пришла мать — хотела занести начинку для пельменей. Спасла ее и отвезла в больницу. Все, кто приходил навестить, твердили одно и то же: «Не думай о плохом». И мать за ними повторяла. Столько раз слышала эти слова, что мозоли на ушах натерлись. Однажды не выдержала, прикрикнула на мать:

— Не думай о плохом, не думай о плохом! Все знают, что не надо думать о плохом! А ты скажи мне, как об этом не думать?!

Мать умолкла и заревела. И она заревела с ней вместе. Видит бог, ей совсем не хотелось думать о плохом. Но пойдите и спросите женщин, которые через это прошли: у кого из них получилось не думать о плохом? Хоть у одной нашелся этот дар?

¹В Китае среднее образование получают 12 лет, в т.ч. 3 класса старшей школы.

Теперь на ее кушетку легла женщина средних лет, они называли таких «квашня». Тело пухлое, мышцы рыхлые, дряблые: начнешь растирать — а она вся ходуном ходит, квашня квашней. Такие тела, словно маленькие планеты из плоти — тут кратер, там бугорок. Растираешь кратеры — они становятся еще глубже. Растираешь бугры — а они оползают со всех сторон. Телу у «квашни» бесформенное, и на нем всегда найдется уйма укромных мест. Но у таких женщин есть свой козырь: раз тело все равно расплылось, они очень следят за кожей. Вот и дадим ей шанс.

— Надо же, какая красивая кожа, — торжественно похвалила она клиентку. Из-за важного вида, с которым она это говорила, похвала звучала еще правдивей. — Такая кожа нечасто встречается.

— Сохнет, — буркнула «квашня».

— Так зима же, она зимой у всех сохнет. Влаги не хватает.

— А ванна чем не увлажнение?

— Нет, то другое. Вода, которой моетесь, — это внешнее увлажнение, это как слюну глотать, если пить хочется: поддержишь во рту и выплюнешь. Если уж увлажнять, то глубоко. Можно медом, можно и молоком. Я вот вас промассирую как следует, кожа после этого лучше напитается, — она роняет слова небрежно, будто придумывает на ходу, — у нас тут есть натуральный мед, без всякой гадости, если хотите, сделаем потом процедуру.

— Ну, хорошо.

С виду она осталась невозмутима, руки принялись расхаживать еще усердней, а про себя тихонько выдохнула.

Раньше она не очень любила разговоры с клиентами, а потом понемногу развязала язык. Молчать нехорошо: так ты целыми днями ходишь хмурая — и другим на тебя смотреть противно, и самой тошно, словно всюду чужая, словно не можешь поладить с людьми, вот и приходится быть букой. И потом, молчунья всегда будет сидеть только на простом растирании: у них это называлось «стандарт», за один стандарт можно заработать всего три юаня. Вечером в будни набиралось десять с лишним стандартов, а по выходным к этим десяти прибавлялся еще десяток, так за месяц выходила плюс-минус тысяча. Но если получалось разговорить

клиента, уболтать его на процедуру с молоком, медом или водорослями, растиральщица получала еще десять-двадцать юаней сверху, ведь доход от дополнительных процедур делился с администрацией поровну. Очень даже выгодно. Было дело, пару клиенток она вообще раскрутила на самый дорогой у них комплекс процедур, с каждой выручила по тридцать юаней. Как в старину говорили: кто умеет разговаривать, подобен денежному цветку. Само собой, без везения тут не обойтись, но куда важнее уметь заморозить человека своими словами. Уяснив такой закон, она решила взяться за дело основательно. Даже купила пару книжек, чтобы понять, что к чему. Ведь прежде чем читать проповедь, неплохо бы самому разобраться в сутрах.

Конечно, в их деле еще нужно видеть, что перед тобой за птица. Раз женщина пришла в баню, значит, живет неплохо, но как ни крути, а все люди разные. Одни как лягут на кушетку, так сразу и застынут — сразу видно, что в первый раз пришли. Начнешь растирать, а у нее и внутри все сковано, старается поспеть вперед твоих движений. Ты еще не дошла до рук, а она их уже вверх тянет. Ты не дошла до коленей, а она уже ноги в коленях согнула. Станешь растирать посильней или послабей — такая ничего не скажет. Она и не спрашивает ни о чем. А есть и другие: растянется на кушетке и лежит тихо-покойно, дожидается твоих рук, чтоб они пришли и навели порядок — по такой сразу видно, что завсегдатай. В каком месте ни растирай, как ни растирай — ей все нипочем; эти клиентки отлично чувствуют руки, таких она всегда спрашивает: «Не слабовато? Не больно? Может, спину еще немного разотрем? Еще разок по животу пройдемся?» Деньги за дополнительные услуги почти всегда приходят от таких клиенток. А они тоже бывают разных сортов: одни охотно заказывают дорогие процедуры, все равно платить из чужого кошелька; обычно это жены чиновников — тратят деньги с грозной решимостью. Другие сначала все как следует выспросят: что да почему, да какой эффект, и только после соглашаются на услугу — такие женщины сметливы и благоразумны, чаще всего, это хозяйки собственного дела. Третьи полдня соображают, раздумывают и только потом решаются: эти недавно вышли замуж, и вся жизнь у них с ног на голову перевернулась.

Она неплохо разбиралась в людях и соображала быстро, поэтому стоило ей заговорить, и на процедуру почти наверняка согла-

шались. Хотя постоянных клиентов было мало, и почти все посетители общались с ней впервые, она была довольна и этим. Как говорят, солдаты приходят и уходят, а казарма стоит на месте. Вот она — ее казарма, вот ее солдаты — одни приходят, другие уходят, и если собрать с каждого по капельке, по монетке, то жизнь у нее с сыном уже потечет привольней.

4

— Хай! — Молодая женщина легла на место номер два и зовет девочку, что недавно прибежала с расспросами. — Ну-ка, марш на эту кушетку!

Девчущка выскочила из бассейна, припотала к ним и запрыгнула на место номер три.

На вид ей лет семь-восемь. Между собой они называют таких «вода». Разве не похожа? Словно ласковая водичка, вся искрится и играет — с ног до головы, от ресниц до ногтей. Они особенно радовались и были особенно осторожны, когда случалось растирать «воду». Во-первых, у «воды» на теле грязь не копится, протрешь раз — она уже и чистая: силы бережешь, а денег выходит не меньше. Поэтому тут будь добра, покажи свое умение. Во-вторых, если взяться чуть посильнее — сразу выжмешь «воду» досуха, ей станет больно, она и убежит. А в-третьих, всем нравится болтать с «водой», разговоры с такими посетителями интересней всего.

— Тебе сколько лет? — спросила Третья.

— Еще месяц и будет восемь.

— Как звать?

— Угадай.

— Тут не угадаешь. Это как иголку в море-океане ловить.

— О, вот ты и назвала мое имя.

— Иголочка?

— Ага, ниточка! — девчущка расхохоталась. — Море, Хай¹. Ты и сказала: «В море-океане». И мама меня сейчас по имени звала.

— А я-то подумала, что мама твоя «эй» кричала. — Третья тоже засмеялась, растирая девочке живот. — А почему у тебя имя, как у мальчишки?

---

¹Кум.: хай — море.

— Нет такого правила, что девочкам нельзя имя Хай. Даже певица есть, Цзу Хай, — вот ведь какая, за словом в карман не лезет.

— В школу ходишь?

— Ага. В первый класс, — и вдруг захихикала, — щекотно!

Молодая мать все это время лежит с закрытыми глазами. Она прошлась по ее руке, сняла с запястья яشمовый браслет, положила на пластмассовую табуретку рядом с собой.

— Гляжу, браслет у вас тонкой работы. — На самом деле, она в этом ничего не смыслила. Но от доброго слова в убытке не будешь.

— Да. Сюяньский нефрит¹, наш папа привез из командировки.

— Вот молодец, знает, как порадовать.

Уголки рта у женщины чуть приподнялись.

— Папу больше любишь или маму? — Третья все развлекала девчущку.

— Ой, сколько можно такое спрашивать, — девочка нахмурила бровки, — можешь что-нибудь пооригинальней придумать?

— В оригинальностях я не разбираюсь, давай лучше ты мне расскажешь.

— Хорошо. Тогда я загадаю головоломку, — девочка обрадовалась, — человек чистит зубы и при этом свистит. Как ему это удается?

— Натренировался поди...

— Он чистит, — девчущка растянула рот в предвкушении успеха, — вставные зубы!

Все вокруг, и те, кто растирал, и те, кого растирали, дружно расхохотались. А мама повернулась и с умилением взглянула на дочь.

— Корова глядела на восток, три раза крутнулась направо, два раза налево, потом еще три раза направо, куда теперь смотрит ее хвост?

— Ой... Надо подумать...

— Чего тут думать? Вниз же!

...Под общий хохот она подняла глаза на душевую зону напротив. В шумных потоках воды стояли голые люди. У каждого взрослого тела — толстого, худого, высокого, низкого — у каждого

---

¹Нефрит, который доставляется из уезда Сюянь, провинция Ляонин, окрашен в белый или светло-зеленый цвет.

черно в одних и тех же местах. Голова, дальше подмышки, потом между ног. Когда она была маленькой, не могла взять в толк: почему женщина — это женщина? Почему, вырастая, женщины всегда становятся такими? Сейчас, наверное, поняла: нет тут никаких «почему», женщина — это женщина, вот и все. Девочка вырастает и становится такой. Растирая женские тела разных возрастов — одним всего несколько годиков, другим уже десять, двадцать, сорок пять, семьдесят, восемьдесят — она нередко впадала в оцепенение. Тогда ей казалось, словно все эти люди были одним и тем же человеком. И человек этот — она сама. И тогда, в этом оцепенении, ее сердце сжималось от прилива тоски и жалости.

5

Дочку давно уже растерли, а она все трудится над мамой, едва до половины дошла. Образцовое тело молодой замужней женщины, они между собой прозвали таких «вазами». Ведь так и есть. Крепкие, словно из глины, мышцы, ладные изгибы. Как ни посмотри — ваза. В такую вазу и помещается женский цветок, от которого распускается мужская тоска. Грудь у вазы литая, сочная, будто перевернули до краев полную чашку с рисом. Когда она дошла до груди, почувствовала под руками полноводное, нежное упругое, словно ее ладони растирали напитанную губку. На таких телах почти нет морщин и складок, растирать их одно удовольствие. Но есть и участки, над которыми приходится потрудиться: если где-то скопилось много грязи, там она растирает на два, а то и на три раза. У таких женщин-полнолуний всегда сильные и живые тела, и даже грязь на них тоже живая и сильная: новые и новые волны серо-белой стружки, словно прилив, выступают на коже, кажется, никогда не дотрешь ее дочиستا. И пока кожа не станет сплошь багряно-красной, о чистоте тут и говорить нечего.

Она снова принялась растирать женщине спину. Спина гладкая, что полированная кухонная досочка, хоть бери и лапшу раскатывай. Раньше и у нее была такая гладкая досочка-спина, и муж любил ее без памяти...

— Ты что делаешь? Чуть волосы мне не выдрала, — возмутилась клиентка.

Она опомнилась, убрала выбившиеся волосы, принялась растирать дальше. Уже десять, а люди все прибывают и прибывают. Сегодня, видать, придется остаться за полночь.

С этой работой видишь столько человеческих тел, сколько никто больше не увидит. Днем, на шумном, переполненном рынке, перед ней друг за другом проходили одетые люди, вечером, в шумной, переполненной бане, их сменяли люди голые. Днем она глядела на затейливые одежды, вечером — на причудливые тела.

Одна женщина до пояса была черная, а ниже — белая, другая спереди красная, сзади желтая, у одной на грудях было татуировано по розе, у другой на спине красовалась мышь... А чаще всего на женском теле встречалась другая отметина — пара шрамов под пупком, вдоль или поперек — след от кесарева сечения. Как-то раз она нащупала у клиентки под нижней челюстью горстку уплотнений — словно ядрышки разной величины — оказалось, эта женщина недавно сделала липосакцию, убрала второй подбородок. А у другой клиентки в груди было что-то странно-мягкое; она сказала, что это ненастоящая грудь, там внутри силикон. Велела растирать потише. И потому, в следующий раз нащупав у клиентки силикон, она, понятное дело, стала растирать слабее. Клиентка велела тереть жестче, и тогда она сказала, что боится передавить силикон. Женщина разозлилась не на шутку:

— Ты что несешь? Какой силикон? У меня все натуральное! Воючая растиральщица, делай что велют. Кто тебе разрешал подлый твой рот открывать?

Обычно она такое терпела. Их работу относят к «сфере услуг», это если говорить красиво, а если не очень подбирать выражения, то они — просто услуга. А для услуги есть только один завет: терпение. Обычное недовольство всегда в порядке вещей: эту слишком сильно или слабо растерли, она тебя разбранила, другой пришлось долго ждать в очереди, вот она и жалуется; можешь терпеть — ну и терпи. «Терпение деньги бережет», ей ведь давно за сорок, этот закон ей хорошо известен. Вот и славно, вот и со-

трем, как грязь с тела, все дурные слова, ругань, жалобы, смоем водицей. Вот и дело с концом. Но в тот день она терпеть не стала. За что тут было ее ругать, да еще называть «вонючей»? Трясущими губами одарила женщину ответным комплиментом:

— Может, и вонючая, но все лучше пахну, чем твой рот!

— Ого, раз ты так хорошо пахнешь, почему еще на витрине в парфюмерном не красуешься? Почему же тебе тут приходится потеть, людям пятки да задницы растирать? Что за счастливый жребий? Что за благовоние на родовом кладбище принесло тебе такую завидную долю? — вот так: всех их вместе одним ударом пришибла. Язык у той женщины оказался острый как бритва, до крови задел десяток растиральщиц, что там были. И подружки побросали работу, столпились вокруг, чтоб навести порядок. Поначалу женщина выкатила глаза, что дохлая рыба, начала препираться, но потом струхнула, поубавила спесь, пришибленно слезла с кушетки и пошла прочь.

В тот день после работы она не пустила подруг по домам, позвала их на ужин. Пошли в уличную забегаловку, взяли несколько закусок, каждой заказали по тарелке пельменей, по стаканчику пива, но радости было столько, что смех бился о красно-синие полоски тента над головами и прорывался дальше, в небеса.

6

— Массаж с молоком. — Женщина наконец растерта, лежит, не шелохнется.

— Угу, хорошо.

На первый взгляд, голая женщина — она и есть голая женщина, но приглядишься повнимательнее и поймешь, что все не так просто. Цвет кожи, рост, вес, красота — это внешние различия, а ты взгляни на то, как она лежит — тут-то и кроется настоящая разница. Некоторые женщины вроде лежат тихо, но тревога изнутри жжет им лицо. А другие спокойны и телом, и душой, и безмятежность сочится у них из каждой поры. У одних докуч-

ливый язык — сердце переполнено, вот болтовня и лезет изо рта. А у других угрюмость до того пустила корни в тело, что ее не спугнешь никаким шумом, никаким весельем. Но чаще всего женщины то хлопочут, то тревожатся, то веселятся, то гордятся собой, всего помаленьку... Голова такой женщины переполнена мелкими мыслями и заботами, и тело похоже на дребезжащий колокольчик.

Она вдоволь таких перевидала и переслыхала. Когда женщина лежит голая, у нее и сердце обнажено. За полчаса растирания клиенткам нелегко держать язык за зубами, хочется поговорить. В большом городе народ в баню идет сплошным потоком, знакомых тут не встретишь, никто о тебе ничего не знает, едва ли с кем-то еще увидишься, а значит, разговор останется просто разговором. Было раз, клиентка рассказала ей, что спит с деверем. Тот вязался к ней с тех самых пор, как пришла в семью. Не смогла его переупрямить и однажды уступила. А где раз, там и два, три, и так без счета, назад пути нет. Она думала, что муж не знает, только потом поняла, что ему все известно. Ну, знает, и пусть знает. И дни бестолково побежали дальше. А в другой раз она растирала молоденькую девушку, и у той все тело было в ссадинах, которые только-только начали сходить. Девушка призналась, что занимается проституцией, и это следы от клиентов. Улыбнулась и добавила: «Боль, конечно, страшная, но в ней есть своя радость». А увидев, как она остолбенела, лишь щелкнула пальцами: «Да ты все равно не поймешь». Что еще?.. Муж меня младше, каждую ночь лезет, и в месячные тоже не отстаёт, из-за него женские болезни никак не пройдут... Но и так жить можно, все лучше, чем шум поднимать... Срубили денег на бирже, акции что надо, а вчера в зале торгов одного знакомого насмерть хватил удар... А еще как-то раз при ней разговорились две клиентки, по виду учительницы, одна вздохнула: «Жизнь человека всего лишь сон»¹, другая вторит: «Дивная ночь всегда так эфемерна...» Про жизнь и сон она еще поняла, а «дивная ночь так эфемерна» — это что за шту-

---

¹Одно из положений даосизма заключается в том, что жизнь так же скоротечна и иллюзорна, как сон.

ка? Очень аккуратно спросила клиентку, что тут имелось в виду, та засмеялась:

— Дивная ночь — значит хорошая, веселая ночь. А «дивная ночь так эфемерна» — значит, что хорошая ночь всегда кажется короткой.

Она закивала головой: вот, узнала новое. Чего только нет на свете... Профессия у них совсем не почетная, но оттого, что они пусть ненадолго, но сближаются с телами клиенток, те доверяют им, и слова их, будто вода, вольно текут наружу.

Ей нравилось здесь все больше. Слушала шепоток клиенток, пересмеивалась с другими растиральщицами, и так, вечер за вечером, утекало время. Когда посетители расходились, они мылись сами, растирая друг друга, дурачась и хохоча, словно дети, потом каждая возвращалась к себе домой, валилась в постель и спала до самого рассвета. Вот так и шли дни; азарт и предвкушение заработка занимали ее вечера, и она забывала про усталость: ведь дивная ночь так эфемерна.

Когда случалось что хорошее — дали зарплату, или сын отлично написал контрольную — на душе становилось еще веселее, о чем ни подумает — все кажется в радость. Глядя на тех, кому живется лучше, она говорила себе: «Вот ведь как бывает, кто знает, вдруг и я так заживу. Все еще может случиться». А когда встречались люди с долей погорше, думала: «Все-таки лучше жить как я, чем вот так — ладно снаружи и худо внутри. У меня еще все неплохо». Про тех же, у кого все шло ни шатко ни валко, она говорила себе так: «Живут вон, почти как я, значит, у меня все как у людей, чем плохо?». И про мужа больше не думала с прежним остервенением. Да, бросил ее одну с ребенком, но разве был он хорошим мужем? Ушел и ушел, чего тут жалеть. Ну, подыскал себе кого-то, и пусть, пусть радуется своему цветистому счастью, и пусть кто-то вместо нее терпит его цветистые грехи. Она не верила, что муж исправился — собаку подбирать дерьмо не отучишь. Да, живется ей не сладко, но есть квартира, вклад в банке на семьдесят с лишним тысяч, да еще пару тысяч в месяц она зарабатывает на жительство, сын каждый день ест мясо, а когда приходит пора менять одежду, они

могут купить новую — не такая уж дурная жизнь. Самое главное, что на здоровье она не жалуется, может на трех работах успевать, и сын растет понятливый, знает, что нужно учиться — в тот день, когда вены хотела вскрыть, и цела осталась, и с его зависимостью покончила, разбудила в нем ум: само Небо о них позаботилось.

Постепенно она поняла, что сердце ее переменялось. словно мать и вправду тогда уговорила ее не думать о плохом. Как это произошло, почему, она и сама не знала. Но обиды остались позади, это уж точно.

Позади, вот и хорошо. Хорошо сердцу, хорошо и рукам. Сердце идет вслед за ладонями, и растирает она все проворнее, ловчее. Умелыми руками листает тела на своей кушетке: шея, плечи, грудь, ребра, поясница, пах, бедра, голени, пальцы ног, пальцы рук... Там, куда приходят ее ладони, скатывается грязь, а потом выступает белое-белое тело, и она чувствует себя на важном посту — словно искусный врачеватель, словно повар, знаменитый своим мастерством, словно увлеченный режиссер или полководец, в чьих руках судьбы страны, словно император, превосходящий величием всех смертных. В промежутках между телами она окатывает кушетку из таза. Брызги воды, повинувшись ее рукам, рушатся на кушетку и радостно летят вниз, вниз, словно водопад. Минуты, пока с кушетки стекает вода — ее единственное время передохнуть. Она хорошенько разгибает спину, вздыхает раз, еще раз и снова склоняется над кушеткой.

7

— Мам, ты скоро все? — Когда девочка снова пришла поторопливать, она уже намазала женщину молоком и заканчивала массаж.

— Сбегай за телефоном, я папе позвоню, — женщина протянула дочке мокрый номерок, та схватила его и поскакала к раздевалке. Мигом вернулась. Подошла к маме, но телефон ей не отдала, а сама — клац-клац-клац — набрала номер.

— Пап, ты помылся уже? — повернулась к маме. — Он давно уже все.

— Пусть снаружи подождет.

Девочка передала в телефон мамины слова и тут же оттопырила губки:

— Папа говорит, он нас ждать не будет, мы долго возимся, он поедет домой.

— Да неужели, — равнодушно бросила женщина, направляясь к душевым.

— Пап, да неужели! — Девочка семенит за мамой, хихикая в трубку. Неизвестно, что ей на том конце сказали, но ее личико вдруг сделалось еще капризней, и звонким голоском она взвизгнула в трубку:

— Хуа Чжицян, да неужели!

Она так и застыла, где стояла. Руки замерли. Шумная баня вся будто притихла, угомонилась. Вода вдруг стала течь беззвучно, и ей показалось, будто вся кровь в ее теле разом остановилась.

Это она. Она. Та женщина. Та, что лежала тут, это она. Все мелочи — где и как сейчас растирала — разом ворвались в мозг, расталкивая, тесня друг друга, разрывая голову. Накатило отвращение. Чуть не стошнило. Прикрыла глаза, зажала рот, не помогло. В памяти тело той женщины сверкало ярко, как глыба льда, кололо ей глаза, кололо глаза.

Она присела на табуретку, показалось, что из тела вытекли все силы. Когда садилась, задела что-то жесткое. Нащупала, вытатицала наружу.

Браслет той женщины.

Отвратительной женщины. Женщины, которую надо бы рассечь на тысячу кусочков. Женщины, которая отняла у нее мужа. Этой лисы, мерзавки, шлюхи... Хочется выругаться, хочется выпалить все ругательства, которые знает, но ни одно не выходит. Слова застряли в горле, столпились в кучу.

— Вторая, — кто-то ее зовет. Она не отвечает. Ее зовет Третья, она не отвечает. Третья и Четвертая подошли, потрогали ей лоб, спрашивают, что с ней, она не отвечает. Пятая растерла клиентку и взяла себе ее очередь. Третья и Четвертая встре-

воженно трясут ее, остальные растиральщицы тоже бегут к ее кушетке, спрашивают, что случилось. Когда вокруг столпились люди, слепящий глаза ледяной свет наконец померк, она потерла лицо:

— Устала.

Третья и Четвертая стащили ее с табуретки, велели скорее ополоснуться и идти домой. Она потерянно приплелась в душевую, включила воду. Теплая струя тотчас полилась вниз по понурой голове, но она этого словно и не заметила. Опустила голову, взглянула на себя, поняла, что так и стоит под душем в лифчике и трусах.

Вот ее тело, оно старше той женщины на десять лет. Эти два тела связаны с одним и тем же мужчиной. А разница в том, что это тело — старая халупа, а то — новый нарядный дом. Ее тело когда-то нежили и ласкали, а то ласкают до сих пор. Это тело сегодня вечером роскошно растерло то тело, а когда то тело придет домой, его ждет самая настоящая дивная ночь... То тело годами, годами только и делает, что унижает это тело.

Вот за стеной раздался голос. Даже смотреть не надо, она знает, кто это. Та женщина, моется в соседней душевой. Она уставилась на полочку для косметики: шампунь «Реджойс», молочко для лица «Японский цветок», бальзам-ополаскиватель «Люкс», гель «Лунличи»... У «Реджойса» самая большая бутылка, два литра, это два с лишним кило, хватит, чтобы припечатать как следует? Или просто — схватить ее за волосы и избить? Волосы у той длинные. Если драка завяжется, то подруги придут на подмогу, уж она в убытке не останется... Избить! Избить!

Она стучит кулаком по белоснежному кафелю. Не может больше думать о хорошем, не может, не может. Она была уверена, что давно выбросила обиду, но оказывается, все еще носит ее с собой. Что-то больно бьется о ее сердце, словно волны паводка или лавы — удар за ударом, один за другим, еще чуть-чуть и разобьют ее на осколки.

Разобьют — и станет легче? Как нарыв — вскрыешь, выдавишь гной, и полегчает?

Брызги воды из душа бьются о тело, сливаются в горные ручейки. Смешиваются со слезами и водопадами летят вниз. Вот бестолочь! Гребаная же ты бестолочь! — набросилась она на себя, — Та, которой надо бы слезы лить, за стеной стоит, тебе какой толк плакать?! Но слезы уже не сдержать. Копившаяся годами обида брызжет наружу и течет прочь вместе с журчащими струями воды. Нащупав спиной опору, она повернулась лицом к соседней душевой. Никто не слышит ее сдавленных, глухих рыданий. Никто не видит ее лица. Только по красному лифчику и черным трусам можно понять, что она растиральщица.

Стоит она ровно, словно неподвижное прямое дерево.

8

Неизвестно, сколько она проплакала, но когда слезы унялись, она обернулась и снова увидела ту женщину.

Женщина ополоснулась. Женщина подошла к зеркалу. Женщина достала одноразовую зубную щетку. Женщина распаковала зубную щетку, женщина выдавила на нее пасту. Женщина чистит зубы. Женщина зовет дочь чистить зубы. Женщина почистила зубы. Женщина промокнула полотенцем пену в уголках рта. Женщина сходила в туалет. Женщина зашла в соседнюю душевую подмыться.

Она все стоит и смотрит на эту женщину, не шелохнется.

Вот женщина собирается уходить.

Женщина с дочерью пошли к выходу.

Она вдруг поняла, что в руке что-то зажато — тот самый браслет.

Женщина и девочка взяли по банному полотенцу, надели тапочки.

В потоках воды яшма казалась искристой, изумрудно-зеленой. Она крепко сжала браслет в руке, словно вот-вот раскрошит. Но зачем он ей? Вдруг поняла: нужно вернуть браслет хозяйке, во что бы то ни стало. Нельзя, чтобы он тут остался, нельзя. Ни в коем случае.

Но подойти и отдать ей тоже нельзя.

Надо, чтобы женщина сама его забрала.

Придется окликнуть.

Но как окликнуть? Дочку позвать или женщину? Крикнуть «Хуа Хай» или «Мама Хуа Хай»?

Она не знает.

Времени нет. Сейчас они исчезнут в дверях. Окутанная туманом из пара, она вдруг замерла, а потом высоко-высоко подняла браслет, в ее руках он казался жирной, ярко-зеленой точкой. Собрала всю силу, какая была, и крикнула вслед двум удаляющимся фигуркам:

— Эй...

*Перевод с китайского
Алины ПЕРЛОВОЙ*

ОТЦОВСКАЯ СПИНА

В последний раз я видел отца больше двух лет назад, а его спина все стоит перед моими глазами. Той зимой беды обступили нас со всех сторон: умерла бабушка, а отца рассчитали со службы. Я приехал в Сюйчжоу из Пекина, чтобы вместе с ним следовать на похороны. Мы встретились в Сюйчжоу; увидав разбросанные во дворе пожитки, я снова вспомнил бабушку и не смог сдержать слез. «Что же теперь поделывать, не горюй, — утешал меня отец, — небо всегда держит одну дверь открытой, все еще переменится к лучшему!»

Мы вернулись в бабушкин дом; чтобы расплатиться с кредиторами, отец продал и заложил ценности, которые там хранились, но тут же влез в новые долги из-за похорон. То были черные времена для нашей семьи, частью из-за смерти бабушки, частью оттого, что отец остался без заработка. После похорон он собрался ехать в Нанкин, искать место, а мне пришла пора возвращаться на учение в Пекин. Мы вместе отправились в путь.

В Нанкине целый день я провел с другом, осматривая город, а на следующее утро должен был переправиться на другой берег Янцзы, в Пукоу, и там сесть на вечерний поезд до Пекина. Отец был занят и сказал, что не поедет на вокзал, поручил проводы знакомому прислужнику из нашей гостиницы. Снова и снова наставлял он прислужника, дотошно перечисляя все, что требовалось сделать. В последнюю секунду отца одолели сомнения: опасаясь, что на слугу нельзя положиться, он колебался и не знал, как поступить. Мне тогда исполнилось двадцать, я несколько раз ездил в Пекин и обратно, и в проводях вовсе не было нужды. Немного поразмыслив, отец сказал, что сам поедет со мной на вокзал. Я твердил, что это ни к чему, но он стоял на своем: «Нет-нет, слуги тут не годятся».

Мы переправились через Янцзы, зашли на вокзал. Пока я покупал билеты, отец смотрел за багажом. Вещей оказалось так

много, что нам было не обойтись без носильщика. Отец принялся торговаться. Я тогда — ума палата — все думал, мне все казалось, что отец говорит не то и не так, и считал своим долгом вмешаться. В конце концов, он условился о цене и прошел со мной в поезд. Выбрал место у входа, я расстелил на сиденье пальто с меховым воротником, которое он мне пошил. Он твердил, чтоб я был осторожен в пути, что по ночам надо быть начеку, беспокоился, как бы я не простыл. Потом наказал проводникам как следует за мной присмотреть. Я втайне усмехнулся его простодушию: эти люди признают только деньги, и просить их о чем-то — зря терять время. Ко всему прочему, я уже взрослый, неужели сам о себе не позабочусь? Да, теперь я вижу, до чего же умным был юношей, пожалуй, даже слишком умным.

Я сказал: «Папа, ступай». Выглянув из вагона, он ответил: «Куплю немного мандаринов. Не уходи, будь здесь». За оградой станции разложили товар торговцы. Чтобы подойти к ним, людям приходилось спрыгивать с платформы, перебираться через рельсы и снова карабкаться наверх. Моему тучному отцу это далось бы с трудом. Я хотел пойти сам, но он никак не соглашался, и мне пришлось остаться. Я смотрел, как отец в черной шапочке, в черной куртке магау¹ поверх темно-синего ватного халата, переваливаясь, идет к краю платформы, там он немного замешкался, спускаясь на рельсы, но то было еще полбеды. Хуже всего отцу пришлось, когда он перебрался через пути и стал карабкаться на перрон. Руками он уперся в край платформы, ноги поджал под себя, его тучная спина качнулась влево — отцу было очень тяжело. Я смотрел на отцовскую спину, и слезы бежали по щекам. Я торопливо вытер глаза, чтоб ни он, ни кто другой не увидел, как я плачу. Снова посмотрел на перрон — отец уже возвращался с грудой алых мандаринов в руках. У путей он сложил свою ношу на землю, медленно спустился на рельсы, взял мандарины и зашагал дальше. Я выскочил из поезда и помог ему забраться наверх. Мы прошли в вагон, отец ссыпал мандарины на мое пальто. С самым беспечным видом отряхнул пыль с платья, и, немного помолчав, стал прощаться: «Пойду, пиши, как приедешь на место!» Я стоял и смотрел ему вслед. Отец прошел несколько шагов, обернулся: «Ступай в вагон, не бросай вещи».

---

¹Магау — мужская куртка китайского покроя, надевалась поверх халата.

Когда его спина утонула в толпе, я вернулся в вагон, сел, и из глаз снова полились слезы.

В последние годы мы с отцом увязли в разъездах и хлопотах, а дела нашей семьи между тем шли все хуже и хуже. Отец юношей покинул родной дом, чтобы заработать на жизнь, и сам, полагаясь только на себя, достиг больших высот. Разве можно было подумать, что к старости его дела придут в такой упадок! Не в силах смириться, отец подчас плохо владел собой. Он стал удручен и подавлен и, желая отвести душу, гневался даже из-за мелких домашних неурядиц. И ко мне отец переменился. Но за два года разлуки мои промахи были забыты, и теперь он только скучает по нас с сыном. В Пекине я получил от отца письмо, он писал: «Здоровье мое благополучно, лишь сильная боль в руке мешает держать кисть для письма и палочки. Верно, близок мой последний час». Я прочел эти строки и сквозь сияние слез, застилавших глаза, вновь увидел тучную отцовскую спину, одетую в черную куртку поверх синего ватного халата. Ах, отец!.. Кто знает, когда мы увидимся вновь?

*Перевод с китайского
Алины ПЕРЛОВОЙ*